

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Владимира Белобородова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НОРМАН
НОРМАН. ШАГ ВО ТЬМУ
ХРОМОЙ. ИМПЕРИЯ РАБСТВА

Владимир БЕЛОБОРОДОВ

ХРОМОЙ. ИМПЕРИЯ РАБСТВА

Роман

Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 2004 году
Выпуск 644

Художник
С. Дудин

Белобородов В. М.

Б43 Хромой. Империя рабства: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2408-5

Мир, где наряду с людьми живут орки, эльфы и экзотические звери. Мир, где царит магия, клинок и рабовладельческий строй. Вот именно последний фактор очень влияет на судьбу молодого инженера из нашего мира. Нет, он не рабовладелец, он раб. Побег. Рабство. Снова побег. Рынок невольников. Рабство у орков. Опять побег. Сможет ли он выжить? Сможет ли он обрести долгожданную свободу? А если сможет, то кем он станет? Купцом, селянином или мелким, вечно голодным воришкой? А может, его ждет иное будущее?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белобородов В. М., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2408-5

ГЛАВА 1

Я ненавижу орков! Я ненавижу степь! Я ненавижу проклятую жизнь! Но больше всего я ненавижу людей! Нет, правда. Нет сволочнее создания, чем человек. Мы сами своей разобщенностью, жадностью, глупостью и, как ни парадоксально это слышать от ненавидящего, ненавистью опускаем себя в испражнения. Орки логичны и, несмотря на свою кажущуюся дикость, более сплочены, чем люди. Орк никогда не будет держать в рабах орка, он лучше убьет его — это достойнее. Я ненавижу людей даже больше, чем орков и все остальное. У меня были в этом хорошие учителя. Если бы моя воля, я бы уничтожил всех людей, а потом — орков. Пусть живут какие-нибудь инфантильные эльфы.

Наверное, нужно объяснить. Я — раб. Нет, не у людей. Я раб орков. Вот уже восемь местных лет я раб. Почему так ненавижу людей? Ну вы даете! Настолько невыносимые условия создают не орки и не проклятая степь, орки не могут такое создать. Настолько невыносимые условия создают люди! Вы думаете, оркам интересно, кто из нас пойдет сегодня пасти хрумзов, а кто — будет унижаться, убирая фекалии? Нет. Им совершенно по колону. Это решаем мы. Вернее, не так, это решают те, кто умело смог облизать зеленомордых выше пяток, конечно, в переносном смысле, но поверьте мне — это недалеко от истины.

У тех, кто решает, привилегии. Они едят, выбирая из котла лучшее. Да о чем я! Они зачастую заставляют готовить для себя. Конечно, не мясо, хотя, бывает, его кусочки даже у нас попадают. Они имеют рабынь раз в руки. Руки — это местная неделя, которая длится, как ни удивительно, десять дней. Но я отвлекся... Итак, о них. Это наиболее физически сильные из нас, которые смогли взять главенство в торбе. Они наблюдают за нами. Они решают за нас. Они пересчитывают нас утром и

вечером. Они наказывают нас, если этого не сделали орки. Они пытаются убить, если что-то грозит их иллюзорной и смешной власти. Они твари, хотя зовутся кормами. Можно подумать, что я завидую им. Но это не так. И я и они — рабы! Ни более ни менее.

Позвольте представиться — Хромой. Почему? Догадаться с трех раз. Конечно! Потому что хромаю. Я попал в рабство в двенадцать лет. Нет, не к оркам — к людям. Но через два года был продан за постоянные попытки бегства. У орков, в этой безжизненной высохшей степи, я не оставил своих попыток. Сначала получал наказания от кормов. Надо признать, жестокие наказания. Но после очередного побега меня решили наказать орки. И пригласили для этого... шамана.

Я думал, он наложит на меня заклятие верности, как на хрумзов. В страхе перед порабощением разума, безумно извиняясь, я старался вывернуться из веревок, сдерживающих меня. Но старый орк, несмотря на свой неряшливый вид и наряд из шкур местных сусликов, который в другое время показался бы смешным, был мудр и не настолько бесчеловечен. Нет, действительно мудр. Я бы не додумался до такого. Он молча и равнодушно нанес мне своим гротескным и неимоверно увесистым жезлом удар по ноге. И все... Дал указания сместить мне кость и так наложить шину. Итак, теперь я — Хромой. Теперь сбежать практически невозможно. Моя скорость неимоверно низка. Трудоспособность, конечно, тоже пострадала, но меня можно использовать на работах, не требующих подвижности. Я выбрал уборку за хрумзами. Почему выбрал? А вы попробуйте переубедить упертого барана, который ненавидит всех вокруг, не боится смерти и, как кажется окружающим, кайфует от боли, при этом готов убить. У вас созрел следующий вопрос? Почему такой? Потому что я не отсюда. Когда я попал сюда, я хотел сдохнуть, и постепенно это стало моей натурой. Я — попаданец!

— Хромой, тебя сегодня Корявый к дикому хрумзу хочет направить. — Клоп присел рядом со мной.

— Да и... духи им сзади.

Вообще Клоп был интересным парнем, наивным донельзя и очень здоровым. Его привели месяц назад. Изначально его притянули к себе кормы из-за его внушительных размеров, но

после того, как они ловко облапошили его на потрепанную кожаную куртку, он, мягко говоря, ушел от них. Правда, перед этим знатно разбил одному рожу. Сейчас шел период выживания, кормы так просто не оставят такого, но и убить в открытую не могут — орки не поймут, имущество все-таки, — поэтому кормы будут искать удобного случая. Клоп знал это, но, по-моему, не очень переживал.

— А тебя куда? — спросил я, полулежа на бревне и нежась в лучах весеннего солнца.

— На землянки.

— Могут попробовать.

— Да знаю я.

Через пару рук настанет Праздник тепла, день главного духа орков — духа войны Карлана, неважнецкий для рабов праздник. Будем биться друг с другом на потеху оркам и пытаться оседлать дикого хрумза. Гладиаторов среди нас нет, поэтому, наверное, действительно смешно смотреть со стороны. Но сейчас не об этом. На праздник приезжает множество представителей племен, они привозят с собой множество рабов для развлечения и жертвы, а последним надо где-то жить. Вот и приходится обновлять прошлогодние осыпавшиеся землянки. А там всякое бывает, может и бревно с потолка упасть... как бы.

— Я думаю, они тебя до праздника додержат.

— Не знаю, на праздник рабов поплоше выставляют. Да и решать это не кормам. За себя не боишься?

— Да я уже устал бояться, Клоп. Выставят, значит, судьба такая.

Я действительно имел все шансы сдохнуть на празднике. Орки не люди, они не бахвалились друг перед другом, и так знали цену силе кланов, поэтому выставляли на побоище и потеху рабов поплоше, поскольку те, кто выживет, пойдут в жертву духам, то есть все равно умрут, а терять ценное имущество не хочется никому.

— Неохота, в духа-то.

— Знаешь, на моей родине к этому относились иначе, — попытался я поддержать парня. — После смерти ты уходишь в чертоги к духам, которые и определяют, отправить тебя на вечные муки или на вечные радости, в зависимости от того, как ты себя вел на земле.

— Лучше бы еще пожить давали.

— А ты себя хорошо вел?

Клоп пожал плечами:

— Так, всяко бывало, но подлостей не делал, если уж убивал, то глядя в глаза.

Разговор сам собой затух.

— Хочешь? — Клоп достал маленький грибок из-за пазухи.

— Ого! Где взял?

— Так я тебе и рассказал.

— Конечно хочу, а сам чего ж?

— Кормы. А до вечера испортится.

— А-а, ну да, тебе сейчас нужна реакция. — Я взял у Клопа наркотик.

Можете осуждать, но в том «мягком месте», куда я попал, это радость — забыть на час о реальности и уйти в туман небытия. Хотя «небытия» — это громко и пафосно сказано, мелкие грибы, растущие в степи, давали эффект чуть посильнее алкоголя.

— Держи, потом отдашь. — Я вынул из-под подкладки вышлифованный и заточенный кусок металла.

Клоп тут же спрятал его в штанину.

— Спасибо. Откуда?

— Ты же мне не говоришь, откуда гриб.

— Так Свайла подкинула.

— Клоп, ты находка для корма. Пошли на построение.

Вообще построения раньше не было, это была моя идея, ну вот такой я прогрессор. До этого нас считали на выходе из землянок, которые тут называются ямами. Как-то пару лет назад я, выходя из землянки, пробубнил:

— Еще бы построение устроили и пятерками считали, как в зоне.

На мою беду, сзади шел шептун — думаю, значение этого слова объяснять не надо, — он и преподнес идею кормам.

Построение прошло обыденно, как, впрочем, проходит и все существование здесь. После построения все направились на завтрак, он же и обед. Кстати, очень удобно, не надо собирать рабов и тратить драгоценное время лишний раз.

Наверное, стоит рассказать, как я сюда попал. Это довольно нудноватая история, случаемая в России на каждом шагу, не совсем, правда, в такой интерпретации и с такой концовкой... Может, слышал кто-нибудь, как незадачливые ловеласы после знакомства с сексапильными блондинками-брюнетками

очухивались в ванне с вырезанной почкой? Не слышали? Рассказываю.

Мы с Мишкой родом из небольшого уральского города. В какой-то момент решили поехать в Питер на заработки. Вернее, не так, мы поехали покорять северную столицу. До города Петра добрались поездом, изрядно поскучав в дороге. Понятно, что по приезде мы решили это дело отметить и выбрали довольно интересное заведение, клуб «Мани-Хани». Заведение было стилизовано под рок-н-рольное и разительно — для нас, провинциалов, — отличалось от других.

Пройдя досмотр, выражавшийся в похлопывании рукавов и штанин охранниками, а также проверку металлоискателем, мы погрузились в ночной мир Питера. Гуляли не очень широко ввиду отсутствия лишних денег, но и на пиво не скупилась. Обстановка для нас казалась нереальной, живой рок-н-ролл, байкеры все в коже. В какой-то момент к нам подсели две довольно милые девахи — Света и Марина, хотя, я так понимаю, с тем же успехом их можно было называть Катя и Изольда или еще как-нибудь. Девчонки оказались очень обаятельными и общительными, не суть важно сколько мы посидели... Угадайте, что было дальше? Ну конечно — девчонки позвали в гости. Ну а наш размягченный алкоголем разум... Кобели, в общем.

Очнулся я в каком-то закрытом помещении, лежа на матрасе. Под потолком светила тусклая лампочка. Около железной двери стояло ведро и две бутылки с водой. Кирпичных стен никогда не касалась штукатурка, поэтому дизайн комнаты можно было назвать индустриальным. Голова болела от стандартного похмелья, а вот во рту ощущалась непривычная приторная сладость. Я встал и подошел к двери, постучал в нее кулаком.

— Эй, есть кто?

Я не знаток тюремного быта, но почему-то комната, в которой я находился, не ассоциировалась с камерой какого-нибудь правоохранительного учреждения.

— Эй! Кто-нибудь! — постучал я еще раз.

А в ответ, как говорится, тишина. Попытался что-нибудь вспомнить из вчерашнего вечера. Неву помню. Свету помню. Целовались с ней на мосту. Васильевский остров помню. Парк. Дальше не помню.

— Эй! Да кто-нибудь!.. — Голос сорвался.

Отвернув пробку бутылки с надписью «Каргазы», с невероятным удовольствием отпил почти половину — мужики поймают. Дыхание слегка перехватило от газов. Тут же надавило на мочевой пузырь. Ведро явно предназначалось для этого.

Я уже полчаса долбил в дверь ногой и орал. Металл толстый, не гнется. Результатов ноль. Наконец кто-то хриплым голосом приглушенно спросил:

- Леха, ты?
- Мишка!
- Лех, а где мы?
- Да кто его знает. Сам понять не могу.
- Мы что, вчера накуролесили?
- После Васильевского не помню.

Даже через дверь были слышны гулкие звуки глотков, которыми Мишка сопровождал утоление жажды.

— А-а-а! Как хорошо, — вздохнул он. — Ты вырубился в парке от вина, мы с девчонками еще потом сидели, а потом... Вот твари!

До меня тоже стала доходить ситуация, в которой мы оказались.

- Есть идеи, куда мы попали?
- Надеюсь, не в сексуальное рабство.

Мишка было засмеялся, но тут же осекся:

- Ну у тебя, Леха, и фантазии.
- Да какие фантазии, рабочая версия. Могу предложить

еще парочку. На органы, например, или...

- Что «или»?

— Да не лезет больше в голову ничего. Могут еще в рабство куда-нибудь в ближнее зарубежье отправить.

- Может, пошутил кто?
- Да я смотрю, у тебя тут куча друзей-шутников.
- Может, те байкеры? С которыми мы немного поругались.
- Может...

Мы замолчали. Слышно было, как Мишка приложился к бутылке с водой, я последовал его примеру.

Через час за дверью послышались шаги.

— Эй! — крикнул Мишка. — Кто-нибудь! Откройте!

За дверью раздался какой-то грохот.

— Отойди от двери к противоположной стене, — произнес мужской голос.

— Выпустите! — крикнул Мишка.

Была слышна какая-то возня, закончившаяся щелчком замка и криками Мишки:

— Тварь! Выпусти нас!

Дверь в мою комнату приоткрылась со скрежетом, образовав небольшую щель, через которую была видна цепь, ограничивающая дальнейшее открытие створки, и лицо в строительном респираторе.

— Отойди к противоположной от двери стене.

Я решил не повторять ошибок Мишки и проверить, что произойдет, если послушаться незнакомца.

— Отвернись лицом к стене.

Я выполнил распоряжение.

Было слышно, как убрали ведро и поставили, видимо, новое. Следом дверь захлопнулась, и шаги стали удаляться.

— Нет, ну вы хоть объясните, где мы? — бросился я к двери.

Топот поднимающихся по лестнице ног был мне ответом. У двери кроме ведра стоял пакет с едой и двумя бутылками воды.

— Твою мать!

— Что там, Леха?

— Еду принесли и воду.

Мишка в этот день остался голодным и до наступления ночи досаждал мне расспросами о том, что было в пакете. На следующее утро Мишка был сговорчивее. Я, наученный его примером, тоже предпочел не выступать.

На третье утро я очнулся привязанным к какому-то столу, а может, и не столу. Видимо, в воде или еде было снотворное. Иначе я просто не мог объяснить, как здесь оказался. В глаза бил свет лампы, в вене торчала игла капельницы.

— Очнулся. Молодец, — раздалось за изголовьем.

— Где это я?

— Послушай меня, не перебивай, — произнес все тот же мужской голос, — тебе это пригодится. Понимаю, что сразу не поверишь, но потом это поможет тебе сориентироваться и не паниковать.

Надо мной наклонилось лицо в респираторе.

— Сейчас ты окажешься в другом теле, в другом мире. В том мире ты тоже кем-то был, советую не говорить по-русски, а изобразить амнезию и попытаться найти ближайшие поселения. Может, тебя кто-то узнает и тебе будет проще.

Пока он говорил, успел проверить реакцию моих зрачков на свет и добавил скорость капельницы.

— Зачем мне туда? — Я решил втянуть сумасшедшего в разговор.

— Тебе незачем. Мне нужны знания оттуда, знания о магии. Да, тот мир с магией, и мне нужны люди оттуда. А твое тело — просто сосуд для разума. Так что...

Его голос постепенно стал отдаляться, и о дальнейшем пребывании в своем мире я ничего не помню.

ГЛАВА 2

— ...Хромой — к дикому хрумзу. — Монотонный голос корма вывел меня из задумчивости. — Маркон, Заурик, Мелкий, Слуп — на строительство арены. Клоп, Блоха, ну и для полного комплекта насекомых Жук — строить ямы.

Видимо, кормы посчитали это смешным. Первое время все действительно смеялись над этим назначением, но за последний месяц приелось.

— Остальные едут за бревнами. Едете на два дня, поэтому одеяла и горшки с собой.

Орк, наблюдавший за распределением, рыкнул что-то удовлетворенно на своем языке и ушел.

Как и сказал Клоп, меня распределили на работы к дикому хрумзу. В пару мне поставили Ларка. Я чуть не застонал от обиды. Видимо, кормы действительно решили меня угробить. Хуже напарника даже представить сложно. Забитый, мелкий, слабый, но, главное, трусливый пентюх — это, наверное, самая верная, хотя применительно к нему мягкая характеристика тщедушного помощника. Ларка пинали все и всегда, в первую очередь за кривые руки. Дня три назад попросил его горшок с кашей передать, так он на меня его же и вывалил. Весь! Как можно из горшка вывалить всю кашу?! Даже если специально — надо постараться. Мало того что я на стирку попал, так

еще и каши лишился. Только я хотел попытаться забрать его горшок, как он, догадавшись о моих намерениях, смачно плюнул в него. После ужина я, конечно, отблагодарил его и заставил стирать, благо кормы чистоплотность поощряли и позволяли набирать сколько угодно воды, но голодным я в тот раз все равно остался.

— Коряк, дай кого другого в помощь. К дикому же иду.

— Нет больше никого, не видишь, к празднику подготовка идет. А этого все равно некуда пристроить, так что забирай.

— Блин, ну дай вон Старого хотя бы, а этот пусть вместо него идет.

— Старый за бревнами поедет. Там орки в сопровождении. А этот снова чего нагадит, или уснет, или под бревно попадет, мне потом отвечай за то, что его послал. Нету никого, я сказал!

Хрумзы довольно интересные животные. Этакая смесь яка и льва. От яка был рост, выносливость и лохматость, от льва — лапы и нос. Рогов у хрумзов не было, но были небольшие клыки. Я уж не знаю, как так на них извратилась эволюция, при всем своем виде они должны были быть хищниками, хотя ели траву, вернее, листву, правда, мясом тоже не гнушались, однако сами, со слов Толикама, не охотились. Характер у этих тварей был мерзопакостным. В клетки они пускали, но вот там могли и прикусить или, что еще страшнее, ударить лапами, если им что-то не понравится. А не нравилось им все, в особенности расчесывание задней части. Толикам, довольно знающий и образованный по местным меркам мужик, рассказывал, что сейчас диких хрумзов не бывает. Те, которых так называют, родились от обычных домашних хрумзов, но их не смогли привязать к хозяину.

Процесс привязки проходил каждый хрумз, иначе с ним сладить было невозможно. Привязывал их шаман к определенному орку, после чего хрумз позволял садиться на себя только ему. В случае смерти хозяина убивали и хрумза, так как толку от него было ноль — он все равно вскорости умирал. Нет, не от тоски — было у меня подозрение, что хрумзы, мягко говоря, не очень любят своих хозяев, — они умирали от магии привязки. Хрумзы были у орков вроде смеси «мерседеса» и бронетранспортера, элитные скакуны для боевых действий. На черной же работе использовали лошадей. Пород этих безобидных живот-

ных в этом мире было множество — маги постарались, но сейчас не о них.

Дикий хрумз. Это отдельная песня. От него можно было ожидать чего угодно. Домашние после привязки хоть и имели скверный характер, но убить не пытались. Дикий — мог. Не знаю, стал бы он охотиться на воле, но на рабов... Думаю, все-таки Толикам ошибается насчет того, что они не охотились. Я видел на прошлой неделе руку одного бедолаги, не помню, как зовут, он прибыл недавно вместе с Клопом. Так вот, мне кажется, несмотря на не очень убедительные потуги шамана, он уже не сможет ею полноценно владеть.

К загону с диким я подходил с опаской. Что бы я ни говорил Клопу, а от этого зверя можно было и кусками выйти. Ларк, сжавшись, шел следом, помнил еще кашу, сволочь.

Сам загон представлял собой крытый бревенчатый сарай с шлюзовым входом — как на родео. Собственно, это практически оно и было. Крытый загон делали только для диких хрумзов, так как они могли и перелезть через ограду в случае необходимости. В нашу задачу входило накормить, напоить, выгрести навоз и самое опасное — вычесать животное. С учетом того что два дня назад его пытались в третий раз привязать, а процедура, видимо, для них не самая приятная, думаю, травмы нам, вернее мне, обеспечены. Удобно быть Ларком — бейте меня, ругайте меня... я все равно ничего не умею.

В нос пахнуло прелой листвой и навозом. Не самый приятный, но терпимый запах. Мне иногда он даже нравился больше, чем амбре в наших землянках.

— Чего встал, — рыкнул я на напарника, — иди воду носи.

Ларк, взяв деревянное ведро, поплелся в сторону колодца. Хоть какая-то от него польза, до колодца далековато ходить. Я пошел таскать свежесрезанные ветки.

Хрумз медленно подошел к кормушке, понюхал листву и, фыркнув, отошел.

— Чего, не нравится? Ну, брат, уж что есть. Ты молодец, устоял перед орками.

Ну надо же как-то контакт устанавливать со зверем. Я понимаю, что он меня не понимает. Может, хоть тон успокоит, поласковой будет, не съест сразу...

— А я вот не смог. Сломался. Пащу на них. Но и ты не радуйся — придет день Карлана, это праздник такой, они тебя на

арену выпускают. Одно точно, — я присел у изгороди шлюза, разделяющей нас, — если ты и умрешь, то умрешь героем. Наверное, другие хрумзы будут о тебе легенды слагать. А вот обо мне вряд ли.

Хрумз подошел к изгороди и издали понюхал мое плечо, потом, осмелев, подошел ближе, пригнувшись. Я протянул ему ладонь, готовый в любой момент отдернуть руку. Теплый большой нос коснулся пальцев. Фыркнув, хрумз отошел, оставив на ладони влажный след.

— О, вон наш водонос идет. Ты, наверное, пить хочешь, брат? — В поилке вода была на самом дне. — Сейчас налью. Потом схожу, может, каши тебе выпрошу.

К хрумзам, в отличие от нас, относились по-особому. Если они отказывались есть листву, что случалось регулярно, им выдавали по полведра каши из смеси местных злаковых. Дабы у рабов не было соблазна съесть ее, каждый раз, когда наступала надобность, нас сопровождали кормы.

В землянке кормов был лишь Старис. Между собой мы называли его одноглазым, ну, собственно, он и был такой. Но в глаза, вернее, глаз этой потрепанной рабством горе мышц никто не смел такого сказать.

— Стар, — произнес я, когда глаза привыкли к темноте, — дай каши хрумзам.

— Кто опять не ест?

— Дикий.

— Так ему все равно скоро на арену, пусть поголодает, злее будет.

— Мне его расчесать надо.

— Хо-хо. Эх тебя сегодня сунули. Нечего зубы скалить, чего тебе не живется, как всем?

— Дашь?

— Ну пойдём.

Старис был бы, наверное, неплохим парнем, если бы он не был кормом. Мы дошли до сарая, служившего кладовой припасов для рабов и хрумзов, а заодно и кухней. Корм открыл замысловатый с виду замок ключом. Я не являюсь великим специалистом по взлому, но однажды, когда ключ теряли, а наш ужин находился внутри, вскрывал его щепкой, больно уж топорно сделан. Хотя с другой стороны — там только крупы, на

которые могут позариться лишь рабы. А рабам к этому строению без сопровождения кормов подходить было нельзя.

— Держи! — Старис вытащил ведро.

— Она же вчерашняя!

— А ты что думал, я готовить брошусь? Бери и хромой отсель, пока пинков не надавал.

Я исподлобья глянул на него. И я и он понимали, что пинать меня он не будет. Я уже раз втыкал найденный гвоздь в корма за подобное. Потом, конечно, выхватил палок, но и корма тогда шаману лечить пришлось.

— Ну! — рыкнул он. — Я с тобой не пойду. Доверяю.

Еще бы не доверял, на второй день каша на запах, как и на вкус, была хуже содержимого нужника, поэтому есть ее не то что рабы, хрумзы не хотели. Поняв, что другой каши он мне не даст, я, слегка перекосившись от тяжести ведра, побрел к загону.

Кашу хрумз есть отказался. Ларк тоже. Была мысль вывалить это ведро на уши последнему, но как-то я поостыл. Мы с Ларком сели в шлюзе так, чтобы было видно выход. Рвать жилы ради работы у рабов в этом мире было как-то не принято.

Я же недорассказал, что было со мной дальше, после того как я попал сюда. Очнулся по всем канонам жанра в лесу, с дикой головной болью. По тем же канонам — в теле парня лет двенадцати. На этом совпадения с попаданческими романами заканчивались. Не маг, не воин, не княжеский сын. Судя по одежде — деревенский парень. Часа четыре я прыгал и матерился. Злоба, сука, была дикая. В выражениях я не стеснялся, благо зрителей не было. Кулаки, ну как кулаки — кулачки молотили в бессилии воздух. Потом успокоился. Вспомнил слова этого придурка. В моем положении его совет показался дельным. Так и решил действовать. Пошел по еле заметной тропинке. Вскоре стало темнеть. Увидел огни костров, ну нет бы присмотреться, хотя в том моем положении... Я шел-то как во сне.

Они улыбались, что-то спрашивали, я мычал в ответ, мол, говорить не умею. Они накормили меня, осмотрели. Один с ехидной рожей все щупал мои руки. Даже в рот пытался заглянуть. У меня тогда закрались какие-то недобрые предчувствия. Идиот, не прислушался — оказалось, караван работоторговцев. Не знаю, может, подзаработать решили, может, подох один из рабов и заменить надо было, но только связали меня утром, су-

нули кляп в рот, зарыли в тряпки на телеге и увезли. Потом, перед рабским рынком, пришел маг и ткнул мне печать на висок. Вот и все.

Сначала был рабом у хозяина корчмы. Чего дураку не жилось? Почти не били. Жрать вволю. Работа хоть и грязная, но не слишком тяжелая. Нет же, все убежать пытался. А куда бежать, если у тебя на роже штамп магический поставлен? И вывести это украшение не представляется возможным, потому как магия. Побегав несколько дней в лесу, выходил к людям. Конечно, не все так поступали, но всегда находился «доброжелатель», который вылавливал меня и сдавал в местную полицию, за местные тридцать сребреников, а то и меньше. А стража помещала в центральный загон. Где я с восторгом дожидался, пока меня не выкупит хозяин.

После третьего побега корчмарь продал меня. Дальше был хозяин сапожной мастерской, потом местный полумаг с извращенными желаниями, которому я воткнул вилку в ногу в первый же день. Тот меня и продал оркам. Вот как-то так сложилась моя судьба в этом гребаном мире.

— Корм, — прошептал Ларк.

Мы встали и начали делать вид, что работаем. Одноглазый постоял в воротах, наблюдая, как Ларк выливает воду в поилку, а я подкладываю ветки.

— Если не ест, чего листву переводишь?

— Я к голодному не полезу. А эту кашу есть он не станет.

Ларк проскользнул с ведром мимо корма и почти побежал к колодцу.

— Ну-ну. Сами бы хоть поели. — Он явно стебался. — Когда еще столько перепадет.

Я отвечать не стал, разругаться с ним плевое дело, а новую кашу он все равно не даст. Молча перекрыл внешние ворота шлюза и открыл внутренние, проковыляв к кормушке, вылез через нее. Одноглазый, видя отсутствие реакции на его искрометный юмор, потоптался еще у ворот и ушел. Хрумз в шлюз идти не хотел, а нам надо было вычистить загон. Ни свежие ветки, ни попытки постучать по стенам в надежде, что он испугается, не принесли результата. Попрыгав вокруг загона, мы присели у ворот.

— Может, ветки не в сам загон надо было? — высказался Ларк.

Советчик, мать твою! Ларк раздражал своей пронизательностью.

— А то я не догадался! Где ты раньше был?

— За водой ходил.

— Вот... — И сказать-то ему было нечего.

— Хрумз, — прошептал Ларк.

Я осторожно оглянулся, дикий принюхивался, стоя в шлюзе. Поднявшись без резких движений, я доковылял до боковой калитки и протиснулся в загон. Стараясь не шуметь, потихоньку дошел до внутренних ворот и резко попытался их закрыть. Хрумз прыжком развернулся и, встав лапами на жерди ворот, остановил их в десяти сантиметрах от столба. С одной стороны, было страшно, с другой — во мне проснулся некий азарт. Я всем телом навалился на ворота, но они не поддавались — тяжелая туша зверя, перекосив, прижала их к земле. Я резко выкинул руку между жердей и шлепнул его ладонью по носу. Хрумз отпрыгнул, едва не уронив меня вместе с хлипкой конструкцией. Быстро накинув веревочную петлю, я вздохнул с облегчением: попался.

У дикого не чистили очень давно, поэтому работы нам с Ларком хватало как раз до ужина, учитывая отсутствие рвения. Пару раз появлялся Одноглазый, проверяя, чтобы мы не бездельничали. Оба раза его вовремя замечал Ларк, он безумно боялся гнева кормов, и мы успевали изобразить видимость работы. Хоть какая-то польза. Кстати, боялся он небезосновательно. Кормы частенько над ним измывались за какие-нибудь мелкие провинности. Поймали уснувшим днем — ночью заставили стиркой заниматься, отдохнул ведь. Заметили, что из котла кашу с боков после ужина соскребают, — он полночи один их чистил. В общем, его взаимоотношения с кормами чем-то напоминали дедовщину в армии. Только для Ларка это была вечная дедовщина. С одной стороны, его было жалко, с другой — сам виноват.

Если честно, минуты безделья радовали, но в то же время это были самые долгие минуты, по крайней мере, для меня. Я вспоминал дом, маму, отца. Тоска накатывала волной. Знаете, что самое поганое в рабстве? Что отличает его от тюрем нашего мира? Нет, не жестокость, и не свинское отношение, и даже не постоянная угроза наказания, а то и смерти. Безысходность. Ты начинаешь понимать, что это навсегда. Выхода нет. Когда приходят такие мысли, самое главное — не сломаться.

Не превратиться в подобие живого существа. Такие люди умирают быстро. Их можно определить по взгляду, шаркающей походке, хотя здесь все так ходят, но они особенно сильно шаркают. Ближайшая вспышка болезни их выкашивает в первую очередь. Они не хотят жить. Их так и называют — сломленные.

— Ну как ты так-то?

Безрукость раба вылезла вновь. Он умудрился сломать скребок.

— Так он уперся, а я посильнее... — Ларк вжал голову в плечи.

Наверное, его вид должен был вызвать жалость, но не вызвал. Вечно грязный, в замызганном рубище, со слипшимися волосами, он вызывал лишь отвращение, когда вот так сжимался. Я сплюнул от досады. Работы оставалось как раз до ужина, если не успеем — придется все равно доделывать. А это остывшая каша и меньше времени для самого святого — сна. Да и корм уже на нас косо посмотрел в последний раз. Встанет ведь над душой и будет указывать. Вообще это балансирование между работой и бездельем проходило каждый день: сделаешь быстро — еще найдут работу, медленно — не выспишься.

— Держи мой, я пойду расчесать попробую. Ты бы постирался и умылся, что ли.

— Тогда заберет кто-нибудь.

— Да кому твое тряпье нужно, хуже, чем у тебя, ни у кого нет.

Вот если бы не шаманские штучки, из-за таких точно переходили бы все. Шаман давал кормам какие-то порошки, которыми кормы окуривали наши землянки. Воняло жутко, но ни насекомых, ни эпидемий у нас не было. Бывало, конечно, но в основном, если двое-трое одновременно заразятся какой-либо пакостью, кормы начинают бить тревогу. Шаман на них смотрит зло, но нас лечит, а чтоб неповадно было болеть, после выздоровления кормы палок прописывают. Палки упругие, костей не ломают, но больно настолько, что желание симулировать на раз проходит, да и просто болеть тоже. Так что лучше, чуть что, на ногах переносить, вот если уже встать не можешь...

Хрумз не приближался к стенке шлюза. Только я подходил с той стороны изгороди, где он находился, он переходил на другую, и я вновь терял возможность до него дотянуться. Соответ-

ственно мне приходилось хромать в обход. Поиграв в кошки-мышки с животным и поняв, что «мышка» хоть и взаперти, но находится в более выгодном положении, я осторожно высунулся между жердями и потянулся расческой, напоминающей скорее частые грабли, к его боку. Хрумз очень грациозное и ловкое животное. Понял я это практически сразу, даже толком не успев отдернуть руку, а не то что выскользнуть обратно. Он извернулся и совершил прыжок в мою сторону. Я просто влетел в шлюз под воздействием тяжелой лапы, оснащенной такими нехилыми коготками. Рубаха на ребрах стала намокать от крови. О штанах я не думал, но, возможно, тоже намочил. Я не дышал. Во-первых, со страху, во-вторых, по причине наличия лапы на груди, которая меня вдавила в землю. Хрумз обнюхивал мою грудь. Видимо сочтя блюдо годным к употреблению, он слегка провел лапой по моей груди несколько раз, словно пытался выцарапать из меня что-то. Действительно слегка, а то от меня бы ленточки остались. Потом принюхался к тому месту, где царапал, и повторил массажные движения лапой. Гриб! Не, ну точно, там гриб! Я осторожно залез за пазуху и достал раздавленные остатки того, что раньше называлось грибом. Хрумз слизнул с ладони кашкицу, при этом я очень боялся, что он может и с рукой отхватить. Он обнюхал мою грудь еще раз и, потеряв ко мне интерес, отпустил меня. Я осторожно встал. Хрумз не обращал на меня внимания, явно измельчая в пасти мой гриб.

— Да ты наркоман, хрумзик. Можно я тебя расчесу?

Я подобрал выроненные грабли и потихоньку, еле касаясь, провел по шерсти. Хрумз передернул шкурой. Я, задрав рубаху, взглянул на свой бок. Глубоко, конечно, зацепил, но не смертельно. Я продолжал легонько расчесывать его, неся елейным голосом какую-то ахинею про то, какой он красивый и спокойный хрумз. Нормально. Когда под кайфом, даже лучше чем привязанный ведет себя.

В проеме ворот показалась чья-то фигура. Выглянув из-за хрумза, я увидел орка. Хотел наклонить вперед голову и выпрямиться, опустив руки по швам, как положено, но орк показал жестом, что не надо, мол, работай. Хрумз, похоже, даже получал удовольствие от расчесывания, единственное — не дал прикасаться к голове. Ну еще бы, ему на нее три раза привязку пытались поставить. Увлечшись расчесыванием, я не заметил, когда ушел орк. В общем, через пару часов хрумз был как до-

машний. Шелковая шерсть ниспадала легкими волнами, даже хвост был вычесан. На прощанье я похлопал его по боку и тут же вылетел сквозь жерди, так как он вздрогнул и резко повернулся. Кто его знает, вдруг он тоже меня по боку похлопает? Одного раза хватило.

Убраться у дикого мы успели. Принимать пришел Коряк, он же Корявый, он же сволочь несусветная. Вообще к имени этого корма я бы мог придумать с сотню эпитетов точно. И он это знал, поэтому меня не любил. Ну понятно, что нелюбовь была взаимной. Наверное, это было единственное, что объединяло наши разумы. Кривой, стоя в шлюзе, нашел к чему придраться, глупо было бы... Но мы уже выпустили хрумза в загон.

— Плохо убрали, вон, по центру дерьмо и в углах тоже.

— Коряк, он больше сегодня не войдет сюда...

— Да знаешь, что я делал на твои оправдания?

Внутри стала вскипать злоба, не знаю, что на меня нашло.

— Как, собственно, и я на твои приемки, — выпалил я. — Что, мы сейчас будем всю ночь за ним бегать? У него дней сорок не прибирались, мы чуть не вылизали. Пошел ты знаешь куда...

По опыту я знал, лучше было бы промолчать, так как словесная перепалка быстро переходит в драку, но не удержался. Справиться с Коряком я вряд ли смогу, а вот палок отхватить теперь уже точно отхвачу. Да еще, как назло, заточку отдал. Вообще я старался не конфликтовать с кормами по мелочам — себе дороже выходит. Вот если что-то серьезное начиналось, например, месяца два назад пытались меня в яму с орочьими фекалиями загнать, типа вычистить надо, или одному тут приглянулась моя обувь, которую я неделю вечерами шил жилами из старой куртки, тут да... я тупо без объяснений вставал в позу. Оба раза дело закончилось без явных последствий для меня, так как до драки не доходило, но кормы нет-нет да провоцировали. Конечно, они бы и так могли... Но были прецеденты, когда особо зарвавшийся корм погибал, отравившись грибами, которые есть не хотел. А орки не любили терять собственность и наказывали за это всех без разбора, корм ты или нет. Да и когда рабы знали, что палок могут прописать и без провинности, многие становились ожесточенными. Поэтому, как ни крути, им нужен был мотив, чтобы наказать меня и преподать урок

другим. А тут я сам повод дал. Решив, что я так и так отхвачу, я взял в руки черенок от сломанного Ларком скребка.

Корм вместо того, чтобы попытаться ударить или орать, вдруг ехидно улыбнулся. Я не сразу понял, в чем подвох. Орк вышел через пару секунд из-за угла. Я не знаю, может, кормы как-то мягким местом чувствуют зеленых... но в преддверии Праздника тепла это был залет. Орк просверлил меня взглядом и молча пошел дальше. Вашу маму...

— Можешь идти в загон, Хромой, — скаля зубы, произнес Кривой.

— С-с-с... тварь.

— Я ведь могу и палок прописать напоследок, учишь давай мечом махать.

По дороге я обдумывал свои шансы попасть в праздничную команду смертников. Неполющенный, да еще и агрессивный, получалось девяносто девять из ста. Процент на то, что кто-то сильнее накосячит. Со злобы хотел пнуть Ларка, идущего впереди. Просто так. Сдержался только по причине и так жалкого его вида и обвисших рваных штанов.

ГЛАВА 3

До ужина оставалось еще с полчаса, я спустился в яму, проверить нары. По-местному, конечно, это слово звучало как «деревянный настил», но я привык называть вещи своими именами. Хотя... Кто его знает, вечерами я любил философствовать, погрузившись в себя, в частности, обыгрывал и это слово. Нары — это деревянный настил или кровать для заключенных? А что такое «шконка»? Это то же самое, что «нары»? Или это железная кровать? Жаль, Гугла нет.

Проверять в землянке-яме было что. Шмон проходил регулярно, уж не знаю, что ищут в тюрьмах нашего мира, но тут искали «лепешки» и «заточки». С последним все понятно, а про «лепешку» объясню.

В принципе, рабы почти свободно перемещаются в пределах глиняного селения орков. Нам запрещено лишь входить в дома без ведома кормов, причем строго-настроено, вплоть до угрозы смерти. Доступ в жилища имеют только рабыни, и то не все. И еще запрещено приближаться к лошадям. Но сейчас не

об этом. Иллюзия вольницы порождает соблазн сбежать как минимум у половины рабов. Останавливают два фактора. Первый — степь. Степь кругом. А псы орков большие и быстрые, причем не всегда просто останавливают тебя — могут и кусками принести. И второй — каша. В нее шаман добавляет порошок. Кайфа никакого, а вот ломка безумная. Я видел, некоторые пытались попробовать голодать. Так вот, каша вызывает такое привыкание, что беглец через два дня возвращается. Поэтому те, кто собирается удрать, заготовливают «лепешки» — бесформенные куски или порошок из сушеной каши. Говорят, они помогают пережить ломку или как минимум отсрочивают ее. Почему «говорят»? Потому что я еще ни разу не общался со сбежавшим рабом. Но существует теория, что бежать нужно вдвоем. Первый после благополучного побега привязывает второго к дереву и дожидается, поедая «лепешку», пока не пройдет ломка у второго. После чего второй привязывает первого, ну и аналогично, только без поедания. В общем, у половины рабов такие «лепешки» были. Прятали кто как может. Я взглянул на бревенчатый потолок — моя была на месте, я даже проверять не стал, так видно, что метку никто не тронул. Взяв горшок, пошел на улицу. На выходе столкнулся с Клопом, у того красовался бланш вполлица.

— О, красавец. Кормы?

— Не-э. Потом расскажу. Что?

— Похоже, сегодня не обыскивали, но проверь.

Клоп кивнул и, проходя мимо, сунул мне заточку.

— Держи. Спасибо.

Я встал в очередь к котлу, вскоре за мной пристроился и Клоп. В середине очереди попытался воткнуться Ряха, оттолкнув Толикама. Так бы я промолчал, но Толикам был нормальным рабом, хотя и не мог постоять за себя, да и настроение у меня было мерзопакостное.

— Ряха, ты, может, в конец встанешь, а не будешь наглеть?

Ряха взглянул на Толикама, потом на меня:

— Тебе-то чего? Или лобызаетесь?

— Ты меня сдвинул на один горшок назад. А про лобызаетесь, может, расскажешь? Мне даже интересно стало.

— Ладно, — многозначительно произнес раб и, посмотрев на Клопа, возвышающегося позади меня, отошел в конец очереди.

— Чего, рассказывай? — обернулся я к Клопу.

— Нейметса же тебе. Чего задираешь? Он же из прикормленных, того и гляди в кормы. Уж как минимум нашепчет.

— Чего шептать, вон Одноглазый зыркает. Да и было бы кого задирать. Рассказывай, что у тебя?

— Бревно орку на ногу уронил.

Я некоторое время обдумывал его слова.

— Это как?

Он пожал плечами.

— Я смотрю, ты Ларка по криворукости опередить хочешь?

— Похоже, уже.

Я посмотрел на него. Он правильно понял мой взгляд.

— Ну я не очень по-оркски понимаю, но «Карлан» и «биться» разобрал, думаю, праздник в этом году мой.

— Значит, вместе пойдем. — Я рассказал Клопу о своей неудаче.

— Так я ладно, нечаянно. Ты-то чего опять? — резюмировал мой рассказ Клоп.

— Да надоело все.

— Смотри, сломишься. Первый знак. А я думаю, чего он сегодня завелся...

Клоп трындел, а я не перебивал его, понимал, ему сейчас тоже не по себе, и эта бесполезная болтовня о моих ошибках хоть отчасти отвлекает от его собственной судьбы. Вот такой я раб — Сократ.

— ...помирился бы с кормами, может, что посоветуют.

— Ага, сейчас, только все закладки с «лепешками» сдам.

Подошла наша очередь. Одноглазый кинул в мой горшок треть от нормы.

— Старис, ты чего?

— Тебя потом накормят. Можешь идти.

— Ну положено же...

— Иди. А то я тебе наложу чего позапашистей и жрать заставлю.

Тварь. Я отошел от котла и уселся рядом с Толикамом на бревно. Бревна лежали в два ряда. Со стороны рабы напоминали нахохлившихся осенних воробьев, сидящих на ЛЭП. Рабы, уткнувшись носами в горшки, с жадностью поедали несуразное варево деревянными лопатками. Между бревнами ходил корм, это чтобы мы не откладывали кашу на «лепешки». Сегодня это был Жирный, но я его всегда называл уважительно, полным именем — Пидрот, ну нравилось оно мне.

На выходе с площадки после кормежки еще и досмотр устроить могут. Понятно, что кому надо может обойти эти запреты. Если очень захотеть, то можно вообще выменять дополнительную кашу у самих же кормов. Но и они должны показывать оркам свое рвение. Рядом уселся Клоп. Процесс поглощения пищи — святое. В это время на разговоры не тянуло. Слюна не давала.

— Держи, — вдруг протянул мне свой горшок с недоеденной кашей Клоп, вырывая из рук мой пустой.

Отказываться я не стал, но спросить, отчего благородство в нем проснулось, между махами лопаткой спросил.

— Все равно сейчас выйдет наружу. С тебя четверть пайки, когда встану. — Он кивнул в сторону котла.

Орки! Орки на ужине — к экзекуции. Стопятидесятипроцентная примета. А присутствие в их делегации шамана — трехсотпроцентная, что накажут до полусмерти.

— Клоп! — заорал Одноглазый. — Сюда!

— Чего сидишь? — подошел Жирный. — Здесь он!

— Тащи его, Пидрот.

Наказание орков не то что наказание кормов. Бил прихрамывающий орк. Видимо, тот, которому Клоп ногу отдал. Эх, как он бил. С отяжкой, с душой. Я прижмурился во время удара. «Девяносто восемь, девяносто девять, — считал я количество палок, понимая, что Клоп труп, — сто».

Уф. Остановился. Шаман подошел к лежащему на столе раздачи рабу. Прижал палец к затылку. У меня внутри все сжалось. Смерть раба вообще обычное дело. Но Клоп!.. Постояв секунд пять, шаман отдал какой-то глиняный сосудик корму. Мать моя женщина! Жив, паскуда! Жив! Иначе бы мазь не выдали. Ну Клоп, напугал! Живучий гад.

Клопа утащили к кормам. Это нормально. Там есть лазарет. Кормят опять же лучше.

Вечер был тоскливым. Не из-за того, что произошло сегодня. Здесь все вечера были тоскливыми. В углу резались в «интеллектуальные» экскременты, в реальности игра называется грубее, но пусть так. Суть игры почти как в монетки, а проигравший и есть самый настоящий экскремент, ввиду отсутствия одного у него какое-то время, так как останется без определен-

ного количества каши, по полпорции которой он должен будет отсыпать выигравшим утром и вечером.

Толикам, как обычно, рассказывал что-то. Рядом с его нарами собралась кучка рабов, в полутьме напоминавшая картину: казаки пишут чего-то там. Толикам был образованный раб, из бывших голубых. Не-э, не подумайте ничего плохого, здесь этот цвет носит другой смысл. Я же еще не рассказывал о цветовой дифференциации рабов. О-о-о. Это целая отрасль местной экономики. И наплюйте на тех, кто говорит, что рабство это экономически неэффективный строй, очень даже эффективный. Правда, это воспринимается только у людей. Начну снизу.

Низ — это я. В смысле мы — черные рабы. Черными называемся по причине наличия черного тату на виске, вообще оно называется печатью, но выглядит как незамысловатое тату. Печати, кстати, не имеют никакого магического воздействия, но и вывести их невозможно. Черные — самые распространенные, самые бесправные и самые дешевые животные. В черное рабство попадают за долги, во время войн, во время грабежей, ну, в общем, всяко-разно.

Средний статус рабов — голубые рабы. Они не имеют ничего общего с черными. Вообще ничего. Это добровольное рабство, в редких случаях — купленные у родителей перспективные дети. Наименование происходит так же, как у черных, по цвету печати. Суть голубых — любой достаточно умный (надо выдержать экзамен) и свободный человек, испытывающий недостаток в средствах, может продать себя. Продать в академию, где его обучают в зависимости от талантов (таланты определяют магически). После процедуры усовершенствования, то бишь обучения, раба продают за бешеные деньги. Голубой раб получает небольшое жалованье и один выходной в местный месяц, то есть луну. Но есть и ограничения: ни женитьбы, ни детей, если его владелец, конечно, не захочет новых рабов (корова, которая дает молоко, и ее телята, ну вы помните). Зато защитой раба, в том числе и от хозяина, служит определенный совет при дворе местного царька. И в случае жестокого обращения — а-та-та. Понятно, что при желании... да о чем я, почти всегда хозяин раба может обойти закон, но это не очень выгодно.

Третий и последний статус рабов — серебряные рабы. Их тату выглядит довольно гламурно, и они могут даже указать обычным гражданам место, это рабы империи. Через десять

местных лет службы в голубом статусе раба с вероятностью девяносто процентов выкупит государство по остаточной стоимости, которая тоже не очень низка. То есть империя получает готового, не слишком старого специалиста с опытом работы за сравнительно небольшие деньги. Практически такой раб почти не раб. Нет, конечно, работать придется куда пошлют, но и зарабатывать он будет больше, чем зажиточный крестьянин. Он может купить дом, завести семью, его дети не будут считаться рабами, в общем, там куча привилегий. И все счастливы. У государства образованный персонал за невысокую цену и низкую зарплату. Прежний хозяин получает на десять лет хорошего специалиста или художника за еще меньшую стоимость (с учетом выкупа империей). Школа просто стрижет деньги за обучение, ну а сам раб помимо первоначальных денег, уплаченных ему и потраченных обычно на погашение долгов, имеет хоть и не слишком высокий, но заработок и полную гарантию трудоустройства. Конечно, здесь не слышали о восьмичасовом рабочем дне, пятидневной неделе, отпусках, поэтому уж извини, раб, — солнце еще не взорвалось. Но нормальные управляющие знают, когда устает мозг или легкие. Там еще много заморочек, но я не углублялся — мне серебро не светит.

Наш голубой Толикам провыеживал свое счастье юбкой. Другими словами, музыкант спалился на дочке хозяина. Отец был далеко не дурак и наказал его по полной, продав в качестве черного оркам. При этом я так понимаю, что в империи он вообще считается беглым, а это точно смерть.

В общем, это был обычный рабский вечер, я уже почти заснул, когда ко мне подошел Ряха.

— Чего, говоришь, торопишься?

Я нащупал заточку.

— Нет. Но и когда двигают, не люблю, — ответил я, садясь на нарах.

— Ты знаешь мое отличие от кормов?

— Да никакого. Две руки, две ноги.

— Скалишься, значит. Смотрю, выбитые зубы ничему не научили.

— Ну... так и не ты же их выбил. Ты чего, Ряха, хочешь? Повеселить рабов? Так давай.

Я встал с облегчением — успел. Ряха дал встать. Я бы на его месте сразу ударил. Лежачего. Были бы возмущения, конечно, но рабы по природе своей жизни асоциальны. Самое тупое — это начинать разговор с жертвой, как, например, Ряха сейчас. Я говорить не стал. Два коротких удара заточкой в бедро, прежде чем у Ряхи сработали инстинкты самосохранения. От его удара я ушел, есть школа, потом расскажу. Ряха отпрыгнул от меня.

— Ты че, тварь?

Тут к нему подскочил один из холуев и прошептал что-то на ухо. Я догадывался что.

— Ну? — спросил я, не побоюсь этого слова, у оппонента, когда от него отбежал шнырь. — Хочешь дальше? Как раз мое место освободится на празднике.

— Живи, дерьмоскреб. А твоего голубого я потом прижму.

— А ты доживешь до утра? Землянка одна.

Ряха молча развернулся и захромал к своей яме. За Толикама я не волновался — пофиг, мне бы со своими бы проблемами разобраться. А вот Ряха, гарантирую, спать не будет, пока меня не отправят на праздник.

Кстати, насчет неизведанности возможностей человеческого мозга могу авторитетно заявить, что человек может спать и одновременно сканировать звуки вокруг. За шесть лет у орков ни одна сволочь не смогла ко мне подойти так, чтобы я не прощусь.

Утро началось с заунывного голоса одного из прихвостней кормов:

— Вста-а-али.

— Я те в глотку фекалий насыю, — раздалось из темноты.

Нормальное утро с нормальным звонком будильника. Быстро встать и на построение, последнему — одна палка.

Умывшись в одной из бочек и порадовавшись с десятков минут восходу местного светила, я пошел отстаивать очередь за завтракообедом. Не дай бог опять обделят — я дней через пять тогда сам на арену проситься буду. В этот раз у котла стоял Пидрот. В его смену ввиду, видимо, определенных страданий толстяка в прошлые, до кормовой жизни годы порции бывали в полтора раза больше, чем обычно.

После насыщения данной богами пищей — распределение на работы. Нудно и долго, но иногда бодрило. Меня, например, второй раз за неделю назначение заставляло волноваться.

— Хромой — на тренировку, потом, если сможешь, к хрумзам.

Лучше уж к дикому. Тренировка! Мерзопакостное занятие. Хотя кому-то нравится. Суть — ты груша для битья. Бить будут подростки орков. Те еще твари. Орки воспитывали своих отпрысков в воинском духе, и рабы покрепче постоянно страдали в вечном бою с орчатами. Рабам, конечно, тоже позволялось наносить удары, но все понимали — не дай бог травма... Ладно, если семилетка достанется, а вот если лет пятнадцати... Орчата к этому возрасту килограмм восемьдесят весили, отсюда выводы. Но меня выбор не касался. Отцы остальных вырожденков старались выбирать чадам соперников посильнее. Клоп, например, за месяц уже дважды попадал. Но не отец этой несуразности. Он лелеял свой кактус и позволял ему самостоятельно выбирать спарринг-партнера. Да, я знал своего «соперника» — Хырганос. Звали его немного по-другому, но я не мог воспроизвести рычащее наречие зеленых. Эта интерпретация ближайшая к оригиналу. Итак, Хырганос. Четырнадцатилетний ушлепок, не умеющий постоять за себя. Вот его неумение и стало моей голгофой. Этой зеленой жабе с отвисшими боками не нравилось сражаться с равными или хотя бы немного уступающими по силе. Не-э-эт. Ему нужна была жертва, а что может быть безопасней хромого дрища. Кстати, вот именно благодаря тренировкам с этой тварью я обладаю совсем даже неплохой реакцией.

Тренировка. На поле моего избиения я обязан прийти первым. Это единственный плюс экзекуции, так как Хыргонос ленив и явиться может даже к вечеру. Однажды он меня безумно порадовал, не придя совсем. Я тогда джигу танцевал. Зато в прошлый раз вынес мне два зуба, и это к четверем уже отсутствующим. Не, ну один-то так и так надо было. Но второй! Хороший крепкий желтый зуб! Был...

До обеда, в смысле полудня, я вялился. Переживать из-за ожидания какой-нибудь пакости я отучился года четыре назад. Пакость все равно придет, и зачастую совсем с другой стороны. Поэтому гонять себя напрасными терзаниями не стал. Я мечтал. Мечтал нормально поесть. Мечтал о сексе с восемнадцатилет-

летней моделью, имеющей бюст не больше второго размера. Ну не нравится мне большая грудь. Даже возбудиться успел. Тут еще и три рабыни мимо прошли. Чумазенькие, и на вид каждой не больше сорока. Эх! Как они стрельнули в меня глазками. Нет, я знаю, что не красавец, но плечи распрямил. Девчонки тоже страдают от отсутствия мужской ласки. Мм... Одну бы, пусть вон ту, пострашнее, да в загон к хрумзам. Мм... У меня здесь аж два раза было. Раз у корчмаря с четырнадцатилетней рабыней, а второй здесь, года три назад, в честь праздника один из орков разрешил девчонкам прийти к нам, не буду рассказывать, с кем я был. Насчет четырнадцатилетней — здесь девушка ребенком считается до первой крови, а там может все — если, конечно, хочет. Правда, кроме этого женскому полу данного мира больше стремиться было не к чему, так как невозможно. наших феминисток бы сюда — пыл сбить.

— Хрра!

Твою мать. Он, наверное, мнит себя Робокопом, выходя на поле против меня. Меч — в смысле палку, обмотанную кожей, он выбирал подлиннее. Я же выбирал полегче. В легкости мое, нет, не преимущество — спасение. Тяжелой, даже если она длинная, я не успевал. А вот облегченной — были шансы, что уйду без травм. Ни разу не получилось, но я знал — шансы были.

— Хрра!

«Свинья», — хотелось ответить, ну или еще чего в рифму.

Палка прошла мимо. Я разорвал дистанцию суперджампом — это когда, опираясь на больную ногу, я быстро перехожу на здоровую и прыгаю назад, слегка касаясь земли больной, оказываюсь снова на здоровой. Школа Хромого Шаолия. Вы бы видели кульбит через врага в моем исполнении. Шучу.

Ш-ш-иу — пропела оглобля этого придурка над головой.

Как там, если слышишь пулю — она не твоя? От следующего удара уйти не удалось. Морду Хырганоса осветила радость. Ему нравилось, когда было больно, разумеется, не ему.

И тут выиграла злоба. Твари зеленые! Уклонившись от очередного удара, я, преодолевая боль, метнулся к нему с колющим ударом в ребра.

На! На! На!!! Я видел его обиженную, обескураженную морду и яростно бил, ликуя. В конце метелил уже кулаком по голове.

Беспамятство наступило внезапно.

ГЛАВА 4

— Мм...

— О, очнулся, герой.

Голос знакомый. Ба! Клоп! Я открыл глаза. Яма лазарета, в смысле лекарская по-местному. Я уже пару раз просыпался здесь после палок.

— Вонючий, я жив? — Память обрисовала последние слайды.

— Да как сказать. Пока — да. Но это ненадолго.

— Я его убил?

— Нет. Ты же еще жив.

— Ну да. А чего не убили?

— Так кормы сказали, что отец зелени не хочет скандал развивать. Это же позор, побил самый слабый раб.

— Ты это, за языком-то следи...

— Ну почти самый слабый.

— Вот, другое дело. Я же все-таки третий. С конца.

— Я рад, что ты шутишь, только...

— Чего? — Голова болела ужасно, и тошнота прямо накатывала, похоже, сотрясение.

— Ну...

— Смертник ты, — раздался незнакомый голос.

Я повернул голову. На соседних нарах лежал здоровенный незнакомый мужик.

— Да он уже знает, — поддержал незнакомца Клоп, совсем не обнадеживая и не щадя моих нежных чувств.

— А ты кто? — спросил я мужика, хотя по отсутствию волос на голове и лице уже догадывался.

— Это корм, из пришлых, — пояснил Клоп. — Ты уже третий день отдыхаешь. Вчера полсотни новых привели. Их кормы с нашими встретились.

— Кто кого?

— Ваши нас, — ответил мужик. — Но одного я отправил к богам.

— Шикарно. Кого?

— Кривого, — ответил вместо мужика Клоп.

— О-о-о. — Я хотел посмеяться, но вырвался только вздох, отдавшийся в ребра. — Я бы тебе руку пожал, если бы ты не был кормом. Так понимаю, ты тоже праздничный пирог?

Мужик промолчал.

— Клоп, чем он меня так? — Я ощупывал голову.

Такой шишки не бывает. Она выпирала, казалось, еще на размер моей головы вбок.

— Не знаю. Думал, ты расскажешь.

— Бревном, — ответил корм. — Ты прямо легенда у рабов. Говорят, так ребенка уделал.

Я засмеялся, Клоп поддержал.

— Че хмыритесь, я бы на месте отца убил сразу, а не к лекарям.

— Так это не он меня, а отец. Клоп, а чего с этим? — Я повел глазами в сторону корма.

— Легонько помяли, — понял меня раб.

— Что, так обгадишься? — спросил корм, поняв мой намек.

— Да нет, почему, только встать бы...

— Вы это, мужики, прекращайте, — вмешался Клоп. — Нам сдыхать вместе... похоже.

Особо артачиться я не стал, но и с кормом не разговаривал больше. Клопа увели в этот же день. Корма на следующий. Меня еще раз посещал шаман. Я так понял, сотрясение и трещина ребра. Шаман поднял меня на ноги за два дня, и я тоже оказался в загоне, впрочем, ненадолго.

— Клоп, Чустам, Ларк, Хромой, Толикам, собирайте вещи, пойдете со мной, — произнес Жирный.

Я, конечно, ждал этого момента, но сердце все равно ушло в пятки. Внутренности тоскливо сжались: «За что, боже? Ну за что ты так!»

Через десять минут, отведенных на сборы, нас, опустивших головы, вели в кузню. Там во избежание попыток побега на ноги наденут кандалы, которые снимут лишь перед ареной. Руки. Десять дней жизни. Десять последних дней жизни. Орки уважали воинов, поэтому в эти руки мы не будем работать. Нас будут обхаживать, разумеется, в рамках нашего статуса. Мы будем есть сколько хотим, нам разрешат один раз воспользоваться рабыней, вот, собственно, и все обхаживание.

Строй рабов равнодушно смотрел на нас. Каждый в этот момент думал: «Как хорошо, что не я». Я их понимал, конечно, но легче от этого не становилось.

Отдельная яма-землянка на пятерых в отдельной же локации, в смысле загоне, огороженном жердями. В загон выходить можно, за него — нет. Через трехметровый проход — следую-

щий загон, туда скоро придут наши соперники из других кланов. Выход за пределы огороженной территории запрещен. Если заметят вне загона, можно остаток недолгих дней не только в кандалах провести, но еще и прикованным к здоровенной чушке, а то и в рабском ошейнике на цепи. Ну и палок, несмотря на свой статус смертника, напоследок получить.

Все попавшие, в принципе, были своими, кроме Чустама. Чустам — это давешний помятый корм не из наших.

— Толикам, а тебя за что? — спросил я безобиднейшего мужика.

— За надежду.

— Понятно, что ничего не понятно. Ты не мудри, прямо скажи.

— Историю рассказывал, как рабы победили хозяев, — объяснил Клоп.

— А-а-а, политический.

— Ты ведь не в деревне вырос, Хромой? — посмотрел на меня Толикам.

— Че ито?

— Знаешь много, думаешь не так, как сельчане.

— Так по акценту-то не понятно, что я не местный? А у нас деревенские образованные.

— Рассказал бы, а то всегда любопытно было, что за страна такая — Замухрынк? Недолго нам осталось, к чему теперь тайны?

— Не-э, Толикам, пусть я останусь самым загадочным рабом, хоть в чем-то впереди всех.

— Эй! Воины! — раздалось с улицы. — Держите.

Клоп, гремя цепью, мелкими шажками вышел из землянки. Вернулся он со средних размеров котелком в одной руке и пятью лепешками в другой.

— Пидрот сказал, что мы можем костер на улице развести. Представляете? Даже травы на отвар дал.

— О-о-о, даже мясо есть, — произнес Чустам, заглядывая в котелок.

Рассматривать кашу мы не стали и, выйдя из ямы, уселись с котелками по привычке на бревне.

— Ларк!

Раб вздрогнул и инстинктивно сжал двумя руками горшок.

— Ты не торопись. Наслаждайся. Тут никто не отберет. Мало будет — еще наложишь. Сам. Сколько хочешь.

Наелись мы до состояния тюленей на лежбище.

— Хо-о-о, — вздохнул Клоп, — сейчас бы еще отварчику.

— Да можно, но лень, — отозвался Толикам. — Ларк, не разведешь огонь?

— Я разведу, — неожиданно предложил Чустам.

Никто не стал возражать. От сладкой истомы и сытости клонило в сон.

— Как свиньи перед забоем, — решил пофилософствовать я. — Чтoб жирок нагуляли.

— Отстань, Хромой, — ответил Клоп. — Дай насладиться.

— И ведем себя так же, — подержал меня Толикам. — Наелись и поспать.

— А-а-а, ну так давайте, предлагайте выход, — лениво произнес Клоп.

— Вон, корм его уже ищет.

Чустам разжег огнивом огонь под котелком с водой и теперь отжимался.

— Тебе, Клоп, тоже не помешало бы, — предложил я.

— Почему только мне?

— А нас хоть затренируй, все равно толку не будет.

— Ну почему? — возразил Толикам. — Меня, например, когда танцам учили, преподавали и боевой.

— Это как?

— Изображать бой в танце. Там движения, конечно, артистичные и меч бутафорский, но очень с боем схоже.

— То-то орки удивятся, когда ты танцевать на арене начнешь.

Мы засмеялись, даже Ларк тайком улыбнулся, отвернувшись от Толикама.

— Чего это вы ржете, — подошел Чустам, успокаивая дыхание.

— Да Толикам решил на арене станцевать, — просветил его Клоп, рассказав о боевом танце.

— Хорошее дело, — вполне серьезно ответил бывший корм, присаживаясь рядом, — видел я как-то раз. Не каждому воину под силу то, что они вытворяют на сцене. Вода закипела. Ларк, заварил бы?

Раб нехотя встал и пошел к костру.

— Ты ведь уже не корм, — высказал я свое недовольство Чустаму, — и распоряжаться не можешь.

— Так я и попросил его, а не заставил. Может, хватит на меня порывивать? А то прикрываешься рабами, а сам ни на что, кроме как поскуливать, не способен. Насмотрелся я таких умных, только людей своей злобой баламутишь. А как до дела...

Договорить он не успел, так как отвлекся на перехватывание руки. Поймав мою кисть, нанес по ней удар, выбивая заточку. Следом его кулак успел побывать в области моего солнечного сплетения.

— Я не хотел так резко с тобой разговаривать, — продолжил он, остановив жестом вскочившего Клопа. — Только знаю, что с такими, как ты, упертыми, по-другому нельзя — не понимаете вы. Нам остались одни руки, а ты сейчас будешь дней пять злобу на кормов выказывать, прежде чем гордость сменит понимание приближающегося конца. Если сможем выйти живыми, там и разберемся, а нет — духами встретимся и поговорим. Знаю ведь, что бежать задумал, так поделись со всеми умом.

— Чтобы ты про это оркам выложил? — восстанавливая дыхание, прошипел я.

— Хотел бы, уже и про железку твою, — он ногой подтолкнул ко мне заточку, — и про зубильце, что в кузне спер, рассказал бы. Только ведь мне легче умирать от этого не будет, все равно на арену. Подумай, потом поговорим.

Корм, клацая цепью, пошел к дровам, где, выбрав полено потолще, стал поднимать над головой.

— Я не успел... — начал было Клоп.

— Нормально все. Есть о чем подумать, — успокоил я приятеля.

Отвар пили в молчании. Я пытался успокоить вулкан злобы внутри, остальные после нашей с Чустамом стычки тоже не были расположены к разговорам. Корм, позанимавшись, ушел в яму.

— И вправду надеешься? — спросил Толикам.

Я покосился на Ларка. Он, конечно, забитый, но в наушничестве замечен не был. Да и кому ему стучать. Кормов он еще больше, чем я, ненавидит, а орков боится как огня.

— Так подыхать или иначе, тут хоть какой-никакой шанс.

— И как?

— Осмотреться надо. Кандалы снять попробовать.

— У меня снимаются, — вдруг подал голос Ларк.

Он приподнял штанину, оголив ноги-спички, и, выгнув ступню, почти выскользнул из кандалов. Затем вернул ногу обратно.

— У тебя шанс уже есть.

Ларк отрицательно мотнул головой:

— А вдруг поймают?

— Поймают, значит, поймают.

— Бить будут. Да и страшно одному, не был я никогда там.

Говорят, там волки есть.

— Где там? — поинтересовался я.

— На свободе.

— А как в рабство попал?

— Родился рабом. В клане Древнего Топора. Там иногда рабьям разрешают иметь детей.

Я никогда не интересовался судьбой Ларка. Где-то в глубине души мелькнула жалость к нему. Я вон уже два мира видел, а он кроме орочьего рабства ничего. Видимо, у Ларка редко бывают собеседники, поскольку обычно молчаливого раба понесло:

— Я много раз у кормов за бревнами просился, лес посмотреть, но они не берут меня. А в клане Древних Топоров я однажды скалы видел. Это такие огромные камни из земли торчат.

Ларк замолчал, видимо поняв, что мы-то их тоже видели и объяснять не нужно.

— Не переживай, — хлопнул парня по плечу Клоп. — Насмотришься еще.

— А вы возьмете меня?

Кот из «Шрека» мог отдохнуть после слов Ларка, такая детская надежда и непосредственность в них была.

— Конечно, возьмем, если соберемся, — уверил Клоп.

— Я еще отвара принесу. — Ларк, смешно передвигая ноги, заковылял к котлу.

— Зря вы так обнадеживаете, — раздался из дверей голос корма.

— Ну так сходи, вдарь ему разок, — ответил Толикам, — чтобы образумить парня.

Из ямы послышался звон цепей. Чустам вышел и присел рядом,